

СВУП

Илона Волынская
Кирилл Кашеев

КНЯЗЬ ОБОРОТНЕЙ

МОСКВА 2014
ЭКСПО

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 70

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

В 70 **Волынская И.** Князь оборотней : повесть / Илона Волынская, Кирилл Кашцев. – М. : Эксмо, 2014. – 640 с. – (Сивир).

ISBN 978-5-699-60109-7

Далеко забрался мальчишка-оборотень из тайги! Был Хадамаха стражником в настоящем ледяном городе, был звездой игры в каменный мяч, а стал... преступником в розыске. Только в чем он виноват? Путешествовал в компании страшных Черных – шамана и кузнеца? Взорвал вместе с ними храм Голубого огня и дворец верховных жриц? Так если бы не Черные, не молоденькая жрица Аякчан и не сам Хадамаха – плохо пришлось бы всему Сивирю! Страшную беду удалось предотвратить ребятам, только рано они решили, что на этом их приключения закончились. Другим предстоит встретиться вновь. И отправиться в новое путешествие – туда, где прямо сейчас нужна их помощь. А Хадамаха должен будет принять решение, которое определит судьбу его семьи, родичей, соседей... и его собственную.

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-60109-7

© Волынская И., Кашцев К., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Пролог,

В КОТОРОМ ЛЮДИ И МЕДВЕДИ ОХОТЯТСЯ ДРУГ НА ДРУГА

С

тойбище горело. Пылало Синим пламенем. Чумы вспыхивали ярко-голубыми кострами, брызгали сиреневыми искрами с золотым ореолом. На фоне темных небес, лишь едва подкрашенных бледно-красными лучами Утренней Зари, это было невероятно красиво. Если бы не удушливый запах горящего меха и кожи, не крики глупых людишек, пытающихся швырять снег из ведер на

горящие берестяные стены в надежде спасти свое убогое добро.

Зависшая над пылающим стойбищем жрица Голубого огня нырнула в воздухе, как беременная утка, и, растопырив руки, налетела на старуху в драной исподней рубахе.

– В твоём чуме что, охотничье снаряжение есть? – заорала она, и сорвавшийся с ее ладони клубок Огня начисто выжег снег в кожаном ведре. Вместе с самим ведром. – А нет, так и нечего тут! – провизжала жрица, хватая старуху за ворот и отшвыривая прочь.

Старуха с воплем влетела в охваченный Огнем чум. Кажется, кто-то кинулся за ней, но жрицу это

не интересовало. Что такое жизнь глупой старухи по сравнению с тем, что ждет ее саму, если она не выполнит приказ верховных жриц Храма Голубого огня! Что могут потерять стойбищные людишки? Облезлые шкуры да никчемные жизни? Велика потеря! А она... О-о-о, Эрлик Подземного мира и все твари его! Она может потерять все!

– Уот-Огненноглазая, не попусти! – прошептала жрица, взмывая над пожарищем. Толстенькая, коренастая, в белой жреческой рубахе, она зависла на фоне темных небес и бушующего Огня. Из-под края рубахи торчали толстые и кривоватые ноги – как ножки низенького столика-нэптывун. Волосы, перед сном накрученные на трубочки из бересты, развилась и теперь бились на ветру неопрятными лохмами. В этих волосах не было ни единой черной пряди, указывая на великую силу жрицы Синяптук во владении Голубым огнем... или на дикие деньги, выкинутые ею за стойкую южную краску ультрамарин.

– Вы разгневали Храм! – пронзительно и страшно, как выпь над болотом, заверещала она. – Я, жрица Синяптук, личная представительница верховных жриц Храма Айбансы и Дьябыллы, заслуженная наставница земли Сивирской, за беспримерные заслуги в борьбе с черным шаманизмом награжденная Ледяной звездой героини Сивира, пришла к вам! Я доверила вам важнейшее для Храма дело поимки все-Сивирского преступника! Но вы не оценили оказанной вам чести! Вы только делали вид, что ловите!

– Мы ловили, большая начальница жрица, мы ловили! – закричали снизу, от чумов. – По следам ходили, весь лес истоптали, ловушки ставили, мы...

Не глядя, жрица Синяптук метнула клубок Пламени – кричавший едва успел шарахнуть в сторону.

– Охотились? – как толстая зловещая сова, проклекотала Синяптук. – Почему же преступник до сих

пор не изловлен, не заперт в клетке, не доставлен ко мне? Сколько я могу еще ждать? – она обвела жутким взглядом сгрудившихся внизу людей. – А ну взяли самострелы, копья – и марш на охоту! Или вы приволочете мне из тайги этого зверя – или не выйдете оттуда сами!

Трещали горящие чумы. Не смея рыдать в голос, тихо всхлипывали женщины. Мрачные мужчины принялись разбирать снаряжение.

– Достославная госпожа жрица... – вдруг подал голос высокий охотник. – Ежели нам, кроме преступника, еще какой зверь встретится – можно его себе оставить?

– Жадные стойбищные – только о себе думают! Ладно, берите... – презрительно махнула рукой жрица.

Сжечь наглеца за беспредельный эгоизм и нежелание бескорыстно служить Храму... но сейчас ни одно охотничье копьё не было лишним. Пусть живет... и жрет, раз ни на что большее не способен!

Зато покрытый ожогами и пятнами копоти полуголый старик неожиданно схватил охотника за плечо.

– Не надо, Димдига! – испуганно прошептал старик. Сейчас никто не опознал бы в нем стойбищного шамана – его шаманская шапка, бубен, мантия, все сгорело с чумом. Но хоть знания удалось вынести из Пламени – вместе с собственной головой. – Хозяин тайги разгневаётся! Из тайги нельзя брать больше, чем для жизни нужно...

– Очнись, шаман! – высвобождая плечо, бросил охотник. – Для жизни нужна еда, а у нас ничего не осталось!

– Хозяин об этом не знает! Тайга не виновата, что у нас тут жрице Пламя в голову ударило и все мозги выжгло!

– Подстрекаш-шь? – перекошенная злобой физиономия жрицы нависла над ними. Ее рука поднялась для броска, на ладони вскипел клубок Пламени... Димдига заслонил старого шамана собой...

– Пламенная моя... соратница! – раздался голос из поднебесья. – Вы б как-то пригасили свой... взрывной темперамент! Мы будем выдвигаться на охоту или вам нравится поголовье местных старичков прореживать? Их внуки будут благодарны, но у нас, кажется, другая задача?

Вторая жрица вовсе не походила на Синяптук. Стройная и сильная, как охотница, уверенная и злая. Когда жрицы и их охрана свалились на несчастное стойбище, объявив охотникам, что отныне их дело ловить не соболей, а все-Сивирского преступника, эту, вторую, Димдига боялся больше, чем Синяптук. Жрица Кыыс умна. Теперь-то он понял свою ошибку – дурака бояться надобно сильнее, чем умного.

Жрица Синяптук бросила на парящую рядом Кыыс недобрый взгляд... и Огненный шар погас на ее ладони.

– Собак возьмите! – скомандовала Синяптук. – Пусть нюхом ищут!

– Мы с собаками не охотимся, мы на них ездим! – растерялся Димдига. – Не умеют наши собаки искать-то!

– А теперь – научатся! Что встали? – накинулась она на собственный отряд храмовой стражи. – Гоните их к лесу! И сами – копыя на изготовку!

Взятые на ремни ездовые псы нервно взлаивали и крутились, не понимая, чего хотят от них люди. Храмовые стражи шли по обеим сторонам нестройной толпы охотников. Копья и впрямь держали на изготровку – то ли против охотников, то ли против того, что поджидало в лесу.

Стена деревьев приближалась – хмурая, мрачная, будто насупленная. Сине-золотистые блики от догорающих чумов скользили по белизне снежных шапок. Охотники приблизились к этой стене и канули в нее. Последними исчезли ярко-синие форменные куртки храмовых стражников. Потом смолк лай собак – как отрезало, словно скрывшиеся за стеной леса псы все разом исчезли.

Оставшиеся в стойбище женщины, дети и старики разбрелись по пепелищу. Им предстояло погасить чумы, разобрать уцелевшее имущество и поставить хоть какие шалаши. Чтоб охотникам было куда возвращаться.

Только старый шаман все глядел на темный лес и безнадежно качал головой.

Лучи молодой Утренней Зари не пробивались сквозь плотные кроны сосен, и под деревьями царил привычный сумрак. И тишина – напуганные псы прекратили лаять и лишь скулили, прижимаясь к ногам хозяев.

Димдига уверенно торил тропу снегоступами.

– Слышь, Дим-Дигыч... – Друг Покчо покосился на переваливающегося по снегу стражника и понизил голос до шепота: – Чего жрица говорила насчет борьбы с черным шаманизмом? Выходит, правду люди болтают – вернулись черные шаманы? Донгар Кайгал, Великий Черный – вернулся?

– Я откуда знаю? – огрызнулся Димдига, изучая следы на снегу. Следы нравились ему все меньше. Четкие больно. Точно пресловутый преступник, доведший жрицу до того, что она стала плевать Огнем, позаботился, чтобы охотники не отстали и не потерялись.

– А шаман наш чего говорит? – не отставал Покчо.

– Шаман – нормальный белый, как по заветам Храма и положено, и с приходом на Сивир Долгой

ночи силу свою теряет. Потому ничего знать не может, – наставительно сказал Димдига.

– А вот был бы у нас шаман, который не только Долгим днем, но и по Ночам силу не теряет, – мечтательно сказал Покчо. – Глядишь, и братца твоего злой дух юер не унес бы, и мать моя до Утра дожила бы...

– Был бы у нас такой шаман – гореть нам всем Синим пламенем. Согласно статье два, пункту один кодекса Снежной Королевы и Ее Советника, – отрезал Димдига.

– Кодекс – он для жриц и богатых родов, – буркнул Покчо. – А мы и так горим, без всякого кодекса. И Советника, говорят, убили. – Покчо снова оживился. – Королева и убила: он с Донгаром поладить хотел и снова черных шаманов в стойбищах завести!

– Заткнулся бы ты... – косясь на жриц, процедил Димдига. – Вот этим! – и сунул Покчо пучок сушеной травы. – Всем рты закрыть! – прошептал он.

Охотники принялись доставать пучки травы и зажимать их зубами.

– Зачем это они? – пропыхла лавирующая между ветвями жрица Синяпук.

– Чтобы их мысли не вырвались изо рта вместе с паром и дичь не узнала план охоты, – бросила жрица Кыыс.

– Стойбищные предрассудки, – поморщилась Синяпук. – План нынешней охоты знаю только я!

– Ну... вы можете засунуть себе кулак в рот. Если влезет, конечно... – предложила Кыыс.

– Все шутите, жрица Кыыс! – принужденно усмехнулась Синяпук.

– Я вообще-то издеваюсь, – пробормотала Кыыс, но толстая жрица ее уже не слушала.

Она с хрустом проломилась сквозь низко свисающие ветки сосны и воспарила над охотниками в просвете меж деревьями.

– Вытянуться цепью – через одного, охотник – стражник, да-да, стражников тоже касается! Зажгите факелы! Кричите! Стучите! Пусть собаки лают! Мы поднимем шум! – она ударила кулаком по ветке, та закачалась, стряхивая снег. – И тогда проклятый зверь вскочит со своего лежбища и побежит, побежит...

Задрав головы, охотники ошалело глядели, как толстая жрица, похожая на большую сине-белую муху, мечется под сенью деревьев. Только мухи жужжат, а эта – орет.

– По-моему, она слегка перепутала вид нашей дичи, – буркнула Кыыс.

– Шумите, говорю! – разорялась Синяптук. – Или мне подогреть ваше желание служить Храму? – она скрючила пальцы – между ними вскипел Огонь.

Стражник ударил древком копья по стволу. В тишине стук прозвучал глухо и жалко.

– Стучите! – прорычала Синяптук.

Стражники грянули копьями по древесным стволам. Растерянный Покчо дернул за ремень своего ездового пса – пес нерешительно гавкнул.

– У-лю-лю! – вдруг завопил кто-то...

Из заснеженных кустов выметнулся отощавший после Долгой ночи заяц. Щелкнул самострел, стрела вонзилась зайцу в бок, опрокинув его в снег. Охотник подвесил тушку к поясу. Через мгновение орали все. Растянувшись длинной цепью, охотники бежали по лесу. Собаки рвались с ремней и захлебывались лаем. Из подлеска сыпалась дичь.

Словно все зверье, что охотники упустили, гоняясь за храмовым преступником, своей волей вернулось к ним. Неслись обезумевшие зайцы. Юркой лентой метнулся по кустам соболь, бессмысленно путая след, побежала обезумевшая от ужаса лисичка. Свистели стрелы, и даже стражнички копья прищипывали дичь к стволам сосен.

«Мы не умрем! – думал Димдига. – Не сдохнем с голоду посреди тайги, оставшись без чумов, байдары и припасов! Шаман не прав, Хозяин тайги не гневается на нас!» Он снова выстрелил, попал, побежал дальше. Одурев от азарта охоты, неслись отпущенные с ремней псы. Димдига мчался вперед, как настоящий егдыга-богатырь, взвихряя за собой снег, красный снег, пропитанный кровью убитой дичи... Красный снег!

Димдига зацепился снегоступами и рухнул ничком. Холодная снежная маска облепила лицо, возвращая трезвость мыслей. Размахивая копьем с насаженной на него лисой, пробежал храмовый стражник. Глаза его выпучились так же безумно, как у мертвой лисы, и так же страшно скалились зубы. Димдига видел спины стражников, обтянутые ярко-синей кожей форменных курток, и родовичей в охотничьих парках – они бежали и убивали, убивали! А дичь все не кончалась!

«Хозяин тайги посылает столько дичи лишь тем, кто сделал ему доброе. Мы ничего доброго не делали. Значит...»

– Маячка! – одними губами прошептал он. – Морок! Этого ничего нет! Это все нам маячится!

Он уже хотел предостерегающе заорать, останавливая обезумевших родовичей, но все перекрыл вопль жрицы:

– Бросьте эту мелочь! Медведь! Мне нужен медведь!

И медведь вышел навстречу.

Крики стихли. Прекратил орать один охотник, второй, смолк и метнулся за ноги хозяина пес, стражник еще гаркнул что-то в наступившей тишине и смущенно закрыл рот рукавицей.

– Я же сказала, что он побежит, – зависая над охотниками, пробормотала жрица Синяптук. – Прав-

да, я думала, он от нас побежит, а не к нам... Но, как говорится, зверь бежит на ловца!

– Голодный медведь – да, – кивнула Кыис. – Бежит. На ловца.

Медведь вовсе не выглядел голодным. Здоровенный лохматый черный зверь, слишком сильный и гладкий после Долгой ночи. Светясь, как фонарь над входом в род-совет, жрица Сияптук опустила на землю – на безопасном расстоянии от медведя. Испытывающе уставилась ему в морду. Медведь уставился на нее в ответ.

– Это он? – уголком рта процедила жрица Сияптук. – Жрица Кыис, вы ж его знаете – он это?

– Я его знаю в лицо! – приземляясь за спиной у Сияптук, буркнула Кыис. – А не, простите, в морду!

Жрица Сияптук запустила руку за пазуху и вытащила листок бересты. С рисунка глядела простецкая мальчишеская физиономия, плоская, как бубен, с маленькими глазками, тупо и сонно пялящимися из-под низко нависающих бровей, и короткими, наверняка жесткими, как медвежья шерсть, волосами. Жрица покосилась на рисунок, на медведя, снова на рисунок... и разочарованно выдохнула:

– Безобразие! В человеческом облике нарисовали, а в медвежьем...

– Вернетесь в Храм, предъявите претензии своему начальству, – отрезала Кыис.

Сияптук сморщилась, точно полную горсть черемши в рот запихала, и решительно шагнула к медведю.

– Хадамаха, подданный Храма медвежьей национальности! – рывкнула она.

Медведь дернулся – аж лапы подогнулись – и отступил назад.

– Брат Медведя из племени медвежьих людей Мапа, – поправила Кыыс, но Синяптук не обратила внимания.

– Бывший стражник городской стражи ледяного города Сюр-гуд! Бывший игрок в каменный мяч!

При каждом выкрике Синяптук медведь испуганно пятился, а она наступала на него, и следом за ней шли Кыыс и храмовые стражники. Синяптук поняла, что она победила! Вот он, беглец, она нашла его, узнала, несмотря на медвежий облик.

– Вы обвиняетесь в разрушении храма Огня города Сюр-гуд и сотрудничестве с черными: шаманом Донгар Кайгалом и кузнецом Хакмаром из клана Магнитной горы! Однако, снисходя к тому, что вам только пошел четырнадцатый Долгий день от роду, а также к свойственной всем родичам медведей тупости и необразованности...

В маленьких глазках медведя мелькнула обида.

– ...верховные жрицы Храма Айбанса и Дьябылла готовы дать вам возможность оправдаться и искупить свою вину...

– Если возможность – оправдаться, зачем еще что-то искупать? – спросил гулкий, слегка порывающий голос. – Выходит, вины-то не было.

Синяптук подозрительно поглядела на медведя – он сказал?

– Медведи, они не очень-то купаться любят, – сочувственно пробурчал храмовый стражник.

– Молчать! – бросила Синяптук. Бесстрашно шагнула к медведю – и ухватила его за мохнатый загривок. – Наговариваться тут будешь! – заорала она. – Айбанса и Дьябылла желают тебя видеть! А ну вылезай из шкуры! Будь человеком, животное! – она попыталась встряхнуть медведя, как щенка.

– Сняпчук! Это не тот медведь! – взмывая в воздух, крикнула Кыыс.

Поздно. Глазки медведя заволокла алая пелена ярости. Неожиданно стремительным для такой туши движением медведь сгреб жрицу в охапку. Кинжальной остроты когти вонзились ей в плечо. Жрица закричала тонко и жалобно, как заяц перед смертью.

– Не стрелять, в нее попадете! – заорал десятник храмового отряда.

– Пламя, дура-колмасам, Пламя! – крикнула Кыыс, налетая сверху и швыряя медведю на макушку клубок Огня.

Тело Сняпчук окуталось голубым ореолом. Взревев, медведь отшвырнул ее, как ребенок горячую головешку. Жрица ударилась об ствол сосны, упала в снег – под ней расплывалось кровавое пятно. Тенькнули самострелы. Медведь отскочил, стрелы кучно просвистели мимо, лишь одна воткнулась в толстую ляжку и застряла в густой шерсти. Медведь кинулся прочь.

– Взять его! – прохрипела Сняпчук. – Пускайте собак!

Охотники отпустили ремни – псы кинулись. Одни со всех лап рванули назад – прочь от окровавленного снега, ревающего во тьме медведя, искрящей Пламенем жрицы. Другие, захлебываясь запахами крови, страха, азарта, с неистовым лаем ринулись за медведем.

Лай смолк, сменившись рычанием, ревом и отчаянным, предсмертным визгом. Жрица Кыыс запустила в темноту шар Огня. Прочертив пылающую дугу, шар пронесся под деревьями... Навстречу ему из тьмы вылетело тело собаки. Собака и шар столкнулись – туша осыпалась на снег серым пеплом. В мгновенной вспышке стал виден медведь. Он вскинулся на дыбы, широко развел передние лапы, точно гото-

